

ЗАЩИТНИК АУРЕЛИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Влад Эверест

18+

Влад Эверест

**Защитник Аурелии.
Часть 1. «Безымянный»**

«Автор»

2026

Эверест В.

Защитник Аурелии. Часть 1. «Безымянный» / В. Эверест —
«Автор», 2026

Империя Аурелия умирает. Налоги растут, бандиты хозяйничают на дорогах, а по всей стране разгорается пламя революции. Во главе мятежников стоит Виктор Морвран — бывший герой, обещающий народу справедливость и свободу. Любой ценой. Марк — простой наёмник, для которого важны лишь золото и выживание. Но судьба бросает его в водоворот заговоров, предательств и древних тайн. Ему предстоит узнать страшную правду о своём происхождении и сделать выбор, который определит будущее мира. А из глубин земли уже поднимается Мор — сила, способная уничтожить всё живое. И остановить её сможет лишь тот, кто объединит вчерашних врагов.

© Эверест В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Кровь на снегу.	6
Глава II. Дорога в Ольховку.	11
Глава III. Вернхолд.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Влад Эверест
Защитник Аурелии.
Часть 1. "Безумянный"

Глава I. Кровь на снегу.

Глава 1: Кровь на снегу

1.1. Засада

Холод пробирался под доспех как вор – незаметно, настойчиво, неумолимо.

Марк лежал в снегу уже четвёртый час, и его тело давно перестало жаловаться. Сначала мёрзли пальцы, потом ступни, потом холод добрался до костей и обосновался там, словно намеревался остаться навсегда. Марк позволил ему. За двенадцать лет наёмничьей жизни он научился принимать то, что нельзя изменить: плохую погоду, тупых командиров, клиентов, которые забывают платить. Холод был далеко не худшим из этого списка.

Тракт внизу петлял между холмами, исчезая за поворотом в полумиле к северу. Снег шёл всю ночь и прекратился лишь под утро, укрыв мир белым саваном. Сосны по обе стороны дороги стояли недвижно, придавленные тяжестью замёрзшей влаги, и в утренней тишине было слышно, как где-то далеко потрескивают ветви. Красиво, подумал Марк. Мертвецки красиво. К полудню эта белизна окрасится красным.

Справа, в пятидесяти шагах, едва заметно шевельнулся сугроб. Человек, не знавший куда смотреть, не увидел бы ничего – просто ветер взметнул снежную пыль. Но Марк знал, и потому различил, как Дарен сменил позицию. Четыре часа в снегу – долгий срок даже для опытного следопыта.

Они ждали банду Кривого Толмера.

Трактирщик в Вернхолде сказал, что Толмер и его люди грабят караваны на северном тракте уже третий месяц. Имперские солдаты из местного гарнизона разводили руками: мол, людей мало, бандитов много, лес большой. Стандартная история для приграничных земель, где власть Аурелиона существовала скорее на бумаге, чем на деле.

Купеческая гильдия скинулась на награду. Пятьдесят золотых соверенов за голову Толмера, по десять за каждого из его людей. В банде, по слухам, было двенадцать человек. Сто семьдесят золотых – неплохие деньги за несколько часов работы.

Если не считать четырёхчасового лежания в снегу, конечно.

Марк медленно согнул и разогнул пальцы правой руки. Кожаная перчатка была достаточно тонкой, чтобы не мешать хвату меча, но достаточно плотной, чтобы пальцы не отмёрзли. Он потратил на этот доспех почти всё, что заработал в первые пять лет – усиленная кожа со стальными пластинами, подогнанная точно по телу. Другие наёмники покупали выпивку и шлюх; Марк покупал сталь и кожу. Кто-то называл его скупым. Большинство из этих людей были уже мертвы.

Звук достиг его ушей прежде, чем он увидел источник.

Скрип полозьев по утопанному снегу. Фыркание лошадей. Приглушённые голоса, смех. Люди, которые не ждут неприятностей.

Марк не шевельнулся, лишь чуть сузил глаза, вглядываясь в поворот тракта.

Сани показались первыми, а следом – всадники. Марк сосчитал их за три удара сердца. Восемь человек. Не двенадцать, как говорил трактирщик. Либо информация была неточной, либо четверо несли дозор где-то поблизости.

Десять секунд. Двадцать. Тридцать.

Никто не закричал, не указал на холм. Всадники продолжали болтать, не глядя по сторонам. Значит, дозорных не было. Самоуверенность убивала чаще, чем мечи.

Толмера он узнал сразу – массивный, с лицом как скала и левым глазом, мутным и белёсым. Главарь ехал в центре, на гнедой кобыле. Говорили, двадцать лет назад он был сержантом имперской армии, пока не зарубил офицера. С тех пор – леса, дороги, кровь. Обычная история.

Колонна втянулась в узкое место между холмами.

Марк поднялся.

1.2. Сталь и кровь

Он не стал кричать, не стал тратить дыхание на угрозы или предупреждения. Просто выпрямился во весь рост, сбрасывая с себя белый плащ одним текучим движением. Его силуэт на фоне серого неба был чётким, как вырезанный из тени – тёмная фигура, выросшая из снега, словно дух зимней смерти.

Ближайший бандит – рыжебородый верзила с топором у седла – замолчал на полуслове. Его рот остался открытым, рука застыла на полпути к фляге. Секунда неверия, когда разум отказывается принимать очевидное.

А потом Дарен выстрелил. Стрела вошла в горло рыжебородого с глухим влажным звуком. Человек дёрнулся, захрипел, его руки взметнулись к шее. Бесполезно. Кровь хлынула между пальцев, дымясь на морозном воздухе. Он начал заваливаться набок, и его лошадь шарахнулась в сторону, врезаясь в соседнюю.

Вторая стрела нашла цель прежде, чем первый труп коснулся земли. Всадник в волчьей шапке схватился за грудь и повалился с седла.

Марк уже бежал вниз по склону. Снег хрустел под сапогами. Ветер бил в лицо. Кровь пела в ушах – знакомая мелодия боя. Его рука легла на рукоять меча, пальцы нашли привычные выемки.

Шестьдесят шагов. Пятьдесят. Сорок.

Третья стрела Дарена свалила ещё одного. Кто-то наконец закричал – «Засада!» – и уцелевшие начали хвататься за оружие.

Один из бандитов прищипорил коня и понёсся навстречу, выхватывая зазубренный тесак. Молодой, не старше двадцати, с отчаянными глазами. Храбрый или глупый – впрочем, разница невелика. Он рубанул сверху вниз, вкладывая в удар вес тела. Марк сместился влево. Движение было экономным, отработанным тысячами повторений. Тесак рассёк воздух в дюйме от виска. В следующий миг его собственный меч покинул ножны.

Вороненая сталь полоснула по бедру всадника, выше колена, где кожаные штаны не защищали плоть. Клинок рассёк мышцу до кости. Крик боли – высокий, захлёбывающийся. Бандит выпустил тесак, хватаясь за рану. Марк развернулся и ударил в незащищённый бок. Сталь вошла легко. Он не стал добивать – перебитая артерия сделает это сама.

Десять шагов до Толмера.

Главарь успел спешиться и встал в стойку, выставив перед собой широкий клинок с имперским гербом на гарде. Армейский меч, снятый с какого-нибудь офицера. Его здоровый глаз буравил Марка с холодной ненавистью.

– Ты кто такой, мать твою?

Марк не ответил. Он никогда не разговаривал с теми, кого собирался убить.

Толмер атаковал первым – рубящий удар справа, рассчитанный на силу. Удар солдата, привыкшего к строевому бою. Марк принял его на гарду, провернул клинок, позволяя вражеской стали соскользнуть. Лязг металла. Искры в морозном воздухе. Он отбросил меч противника в сторону и ударил локтем в лицо. Хрустнуло. Толмер отшатнулся, из разбитого носа хлынула кровь.

– Сука!

Следующий удар был яростнее, но небрежнее. Ярость затуманивает разум, делает движения предсказуемыми. Марк ушёл в сторону, пропуская клинок мимо, и контратаковал. Глухой порез по предплечью. Толмер взревел, но оружия не выронил. Годы разбоя не совсем вытравили из него солдата.

Но солдат был стар, пьян и самоуверен. Марк – нет.

Финальный обмен занял три секунды. Толмер атаковал – отчаянный выпад. Марк парировал, отвёл вражеский клинок вниз, шагнул в сторону. Главарь провалился вперёд. Его левый

бок открылся. Марк ударил. Меч вошёл под рёбра и вышел из спины. Он почувствовал, как клинок задел позвоночник – короткую вибрацию стали о кость. Толмер застыл. Его здоровый глаз уставился на Марка – уже не с ненавистью, а с удивлением. С неверием. Они всегда удивлялись в конце. Марк выдернул клинок. Кровь хлынула следом – тёмная, густая. Толмер упал лицом в снег.

Он огляделся. Дарен уже спустился с холма, добивая последнего раненого. Восемь тел на белом снегу. Красные пятна расплывались, сливаясь друг с другом. Лошади нервно топтались в стороне, но не разбегались.

Бой занял меньше трёх минут.

Марк набрал пригоршню снега и вытер клинок. Сталь требовала заботы. Сталь держала его живым.

1.3. Находка

Марк убрал меч в ножны и двинулся вдоль тел.

Не из жадности – из практичности. У мёртвых есть вещи, которые нужны живым. Монеты. Ножи. Иногда – письма или документы, способные рассказать больше, чем десяток свидетелей. Наёмник, брезгующий обыскивать трупы, долго не протянет.

У Толмера нашлось немного серебра и золотой перстень с треснувшим камнем. У рыжебородого – складной нож хорошей работы. У молодого – ничего, кроме пары медяков и засаленной колоды карт. Марк забрал нож, остальное оставил. Мелочь не стоила возни.

Дарен тем временем подошёл к телу главаря, вытащил нож из-за голенища. Несколько секунд неприятной, но необходимой работы – и голова Кривого Толмера перекинулась в заранее припасённый мешок. Доказательство для заказчика. В наёмничьем ремесле одних слов никогда не бывало достаточно.

– Трактирщик сказал, их двенадцать, – произнёс Дарен, завязывая мешок.

– Я помню.

– Где остальные четверо?

Марк пожал плечами:

– Либо он ошибся. Либо нас ждёт сюрприз в их логове. Но это уже не наша забота. Контракт был на Толмера.

Он кивнул в сторону саней:

– Проверь груз. Посмотрим, что они везли.

Дарен направился к саням, где пара испуганных лошадок нервно перебирала копытами. Марк же остался на месте, окидывая взглядом поле боя. Восемь человек. Он даже не знал их имён. У них были жизни, истории, может быть, семьи где-то далеко. А теперь – просто трупы на снегу, и через час их начнут объедать вороны.

Он не чувствовал ничего.

Это беспокоило его иногда – по ночам, когда сон не шёл. Нормальные люди должны что-то чувствовать, убивая себе подобных. Вину, ужас, хотя бы отвращение. Марк чувствовал лишь усталость. Может, в нём было что-то сломано. Может, он слишком привык.

А может, некоторые люди просто заслуживали смерти.

– Марк.

Голос Дарена вырвал его из размышлений. Что-то в тоне друга заставило насторожиться. Не тревога – Дарен звучал бы иначе, если бы нашёл опасность. Скорее... неуверенность. Странно для человека, который почти никогда не сомневался.

Марк подошёл к саням.

Дарен стоял у заднего борта, приподняв край рогожи. Под тканью виднелись тюки, ящики, бочонок – всё, что Марк разглядел издали. Но Дарен смотрел не на них.

– Что там?

Вместо ответа Дарен откинул рогожу целиком.

В углу саней, под грудой тряпья, скорчилось человеческое тело. Девушка – совсем юная, не старше пятнадцати-шестнадцати. Руки связаны за спиной, рот заткнут грязной тряпкой. Глаза – огромные, полные животного ужаса – смотрели на двух вооружённых мужчин.

Синяки на лице. Ссадины на запястьях. Разорванный ворот платья.

Марк тихо выругался. Дарен уже резал верёвки своим ножом. Девчонка дёрнулась от прикосновения, замычала сквозь кляп.

– Тихо, – мягко сказал Дарен. Его обычно суровый голос звучал почти нежно. – Всё кончилось. Они мертвы. Ты в безопасности.

Он вытащил тряпку у неё из рта. Девушка судорожно вздохнула, закашлялась. Её трясло – то ли от холода, то ли от пережитого. Скорее всего, от того и другого.

– Как тебя зовут? – спросил Дарен.

Она смотрела на него, не отвечая. Потом её взгляд переместился на Марка – на его окровавленный доспех, на меч у пояса, на неподвижное лицо – и она вздрогнула.

Марк отступил на шаг. Он знал, как выглядит. Знал, какое впечатление производит. Дарен справится лучше.

– Мы не причиним тебе вреда, – продолжал Дарен, разрезая последние путы. – Мы убили тех, кто тебя схватил. Понимаешь?

Несколько секунд тишины. Потом девушка кивнула – едва заметно.

– М-мира, – прошептала она. – Меня зовут Мира.

1.4. Решение

Дарен помог девушке выбраться из саней и усадил на один из тюков. Накинул ей на плечи свой плащ – она куталась в него, как в спасательный круг, всё ещё дрожа. Марк держался в стороне, наблюдая. Дарен лучше умел говорить с испуганными людьми. У него получалось быть... человечным.

– Откуда ты? – спросил Дарен. – Из какой деревни?

– О-ольховка. – Голос у неё был хриплый, надломленный. – Два дня на юг.

– Что случилось?

Мира сглотнула. Её взгляд скользнул к телам на снегу, потом быстро отвернулась.

– Мы с отцом везли зерно на мельницу. Они... – Она запнулась. – Они выскочили из леса. Отец пытался... он...

Голос оборвался. Слёзы потекли по щекам, прочерчивая дорожки на грязном лице.

Марк не спрашивал, что случилось с отцом. И так было ясно.

– Они не... – Дарен замялся, подбирая слова. – Тебя не...

– Главный сказал – сначала в лагерь. – Мира всхлипнула. – Сказал, там удобнее.

Марк сжал челюсть. Толмер хотел развлечься в комфорте. Тварь. Хорошо, что он убил его быстро. Плохо, что не помучил.

– Сколько дней назад тебя схватили? – спросил он.

Мира вздрогнула от его голоса – низкого, ровного, лишённого тепла. Но ответила:

– Три... кажется. Я не уверена.

Три дня в плену у бандитов. Три дня страха, неизвестности, ожидания худшего. Марк видел такое раньше. Некоторые ломались навсегда. Другие выкарабкивались. Время покажет, к какой категории относится эта девчонка.

– Ольховка на юг, – сказал Дарен, обращаясь к Марку. – Два дня крюк.

– Я знаю.

– Мы можем оставить её в Вернхолде. Там найдётся кто-нибудь...

– Нет. – Мира вскинула голову, в глазах мелькнула паника. – Пожалуйста. Там тётя... она единственная, кто остался. Пожалуйста.

Марк смотрел на неё. Измученное лицо. Синяки. Разорванное платье. Дрожащие руки. Сирота – как и он когда-то. Только ей повезло меньше. Или больше, смотря как считать.

Два дня на юг – это крюк, потерянное время, задержка с получением награды. Расчётливая часть его разума уже подсчитывала убытки. Ещё четыре дня пути. Еда. Фураж для лошадей. Возможные неприятности по дороге. Но другая часть – та, которую он обычно старался не слушать – смотрела на эту девчонку и молчала.

– Едем в Ольховку, – сказал он наконец.

Дарен кивнул, словно и не ожидал иного ответа. Мира уставилась на Марка с чем-то похожим на недоверие.

– Вы... правда?

– Я не повторяю дважды.

Он отвернулся, направляясь к лошадям бандитов. Нужно отобрать лучших, остальных продадут в ближайшем селе. Поклажу тоже стоило перебрать – что-то можно забрать, что-то бросить.

– Марк.

Голос Дарена. Марк обернулся. Друг смотрел на него с тем странным выражением, которое появлялось всё чаще в последнее время. Не осуждение. Не удивление. Что-то похожее на... уважение? Понимание?

– Что?

– Ничего. – Дарен чуть улыбнулся. – Просто думаю, что ты не такой мерзавец, каким хочешь казаться.

Марк не ответил. Он никогда не знал, что говорить на такие вещи.

Через полчаса они выехали на тракт, оставляя за собой восемь тел на снегу и воронов, уже кружащих над поживой. Мира сидела на одной из трофейных лошадей, закутанная в плащ Дарена, и смотрела прямо перед собой пустым взглядом. Марк ехал впереди. Не оглядывался. Но он знал – что-то изменилось сегодня. Что-то маленькое, едва заметное. Трещина в стене, которую он строил вокруг себя двенадцать лет.

Он не был уверен, хорошо это или плохо.

Глава II. Дорога в Ольховку.

Глава 2: Дорога в Ольховку

2.1. Спутница поневоле

Первый день пути прошёл в молчании.

Мира ехала между ними – Марк впереди, Дарен замыкал, – и за все часы не произнесла ни слова. Она сидела в седле ссутулившись, закутанная в плащ так, что виднелись только глаза, и смотрела куда-то сквозь заснеженный лес, будто не видя его. Марк узнавал этот взгляд. Взгляд человека, который ещё не до конца поверил, что кошмар закончился. Который ждёт, что вот-вот проснётся и окажется снова в тех санях, со связанными руками и кляпом во рту.

Он не пытался с ней заговорить. Не его дело. Дарен пару раз предлагал ей воды, сушёного мяса, спрашивал, не замёрзла ли – она отвечала односложно, почти не глядя на него. К вечеру сдалась усталости и начала клевать носом в седле, рискуя свалиться. Пришлось остановиться раньше, чем планировали.

Они нашли укрытие в овраге под старой елью, чьи ветви образовывали подобие шатра. Снег здесь лежал тоньше, и земля под слоем опавшей хвои была почти сухой. Марк развёл костёр, пока Дарен занимался лошадьми. Мира сидела у огня, подтянув колени к груди, и смотрела в пламя. Отблески плясали на её лице, делая синяки ещё заметнее.

Ей было пятнадцать, может, шестнадцать. Возраст, когда девушки в деревнях уже начинают заглядываться на парней, мечтать о свадьбе, о собственном доме. Три дня назад она ехала с отцом на мельницу, и самой большой её заботой было, наверное, успеют ли они вернуться до темноты. А потом из леса выскочили люди с оружием, и всё изменилось навсегда.

Марк подбросил веток в огонь. Искры взметнулись в тёмное небо, смешиваясь со звёздами.

Он думал о своём детстве. О приюте «Милость Императора» – звучное название для места, где детей били за лишний кусок хлеба и запирали в подвале за непослушание. О голоде, холоде, о старших мальчишках, которые отнимали еду у слабых. О ночах, когда он лежал на жёсткой койке и мечтал, что однажды станет достаточно сильным, чтобы никто больше не смог его обидеть. Он стал сильным. Он стал достаточно опасным, чтобы большинство людей обходило его стороной. И всё равно иногда, глядя на таких, как эта девчонка, он чувствовал отголосок той старой, детской беспомощности.

Дарен вернулся от лошадей и сел рядом, вытянув ноги к огню. Некоторое время они молчали, слушая треск поленьев и далёкий крик совы.

– Она уснула, – тихо сказал Дарен, кивнув в сторону Мира.

Марк глянул. Действительно – девушка привалилась к стволу ели, глаза закрыты, дыхание ровное. Сон сморил её прямо сидя, не дав даже лечь. Тело взяло своё, несмотря на страх и горе.

– Крепкая, – заметил Дарен. – После такого многие бы сломались.

– Ещё рано говорить.

– Ты всегда такой оптимист?

Марк не ответил. Он смотрел на спящую девушку и думал о том, что через два дня они доставят её к тётке, получат благодарности, может быть, горячий обед – и уедут. Вернутся в Вернхолд, заберут награду за Толмера, найдут новый контракт. А Мира останется в своей Ольховке, с мёртвым отцом в памяти и синяками на лице, и будет как-то жить дальше. Или не будет.

Это не его забота. Он сделал достаточно – убил тех, кто её схватил, везёт домой вместо того, чтобы бросить на дороге. Большого от наёмника ждать глупо.

И всё-таки что-то царапало изнутри. Что-то, чему он не мог подобрать названия.

– Первую смену возьму я, – сказал он, поднимаясь. – Спи.

Дарен кивнул и улёгся у огня, подложив седельную сумку под голову. Через минуту его дыхание выровнялось – умение засыпать в любых условиях было одним из многих навыков, которым учила жизнь наёмника.

Марк отошёл на край их маленького лагеря, туда, где свет костра уже не доставал. Прислонился спиной к дереву. Положил руку на рукоять меча.

И стал ждать рассвета.

2.2. Ночь у костра

Она закричала перед рассветом.

Марк мгновенно оказался на ногах, меч наполовину вынут из ножен, глаза шарят по тёмному лесу в поисках угрозы. Дарен тоже вскочил, схватив лук. Несколько секунд напряжённой тишины – только тяжёлое дыхание и стук сердца в ушах.

Никого. Лес пуст.

Мира сидела у догорающего костра, обхватив себя руками, и тряслась. Крик перешёл в всхлипывания, потом в тихий, надрывный плач. Кошмар, понял Марк. Просто кошмар.

Он убрал меч. Дарен уже опустился рядом с девушкой, положил руку ей на плечо. Она вздрогнула от прикосновения, но не отстранилась.

– Тише, – говорил Дарен. – Ты в безопасности. Это был сон.

Марк отошёл к краю лагеря, давая им пространство. Он не умел утешать. Не умел говорить правильные слова в правильный момент. Всё, что он умел – убивать тех, кто причиняет боль. Но мёртвые бандиты не могли забрать у этой девчонки воспоминания о трёх днях плена.

Постепенно плач стих. Когда Марк вернулся к костру, Мира сидела, закутавшись в плащ, и сжимала в руках кружку с водой. Её глаза были красными, но сухими. Она посмотрела на Марка – впервые за всё время посмотрела прямо, не отводя взгляда.

– Вы его убили, – сказала она. Не вопрос – утверждение. – Того, с белым глазом.

– Да.

– Он умер быстро?

Марк помедлил. Он мог бы соврать, сказать, что Толмер мучился, что заплатил сполна за каждый синяк на её лице. Но враньё требовало усилий, а он устал.

– Да, – повторил он. – Быстро.

Мира кивнула. На её лице мелькнуло что-то похожее на разочарование, но оно быстро исчезло.

– Жаль, – тихо сказала она. – Я хотела бы, чтобы он помучился.

Марк сел напротив неё, по другую сторону костра. Дарен возился с лошадьми, делая вид, что не слушает, хотя наверняка ловил каждое слово.

– Расскажи, что случилось, – сказал Марк. Не мягко – он не умел говорить мягко. Но и не жёстко. Просто ровно, без эмоций. – Если хочешь.

Она долго молчала, глядя в огонь. Марк не торопил. Люди рассказывают, когда готовы, или не рассказывают вовсе. Давить бесполезно.

– Мы везли зерно, – начала она наконец. Голос был хриплым, слова давались с трудом. – Отец хотел успеть до снегопада. Мельница в двух часах от деревни, мы ездили туда десятки раз... – Она сглотнула. – Они выехали из-за деревьев. Шестеро или семеро, я не считала. Отец велел мне бежать, а сам схватил топор...

Она замолчала. Её руки сжали кружку так, что побелели костяшки.

– Он дрался?

– Он пытался. – В её голосе зазвенели слёзы, но она не заплакала. – Одного ранил, кажется. Потом тот, с белым глазом, ударил его сзади. В спину. Отец упал, а они... они смеялись.

Марк молчал. Что тут скажешь? «Мне жаль»? Пустые слова, которые ничего не меняют. Её отец мёртв, и никакие соболезнования не вернут его к жизни.

– Меня связали и бросили в сани, – продолжала Мира. – Они говорили обо мне так, будто я вещь. Обсуждали, кто первый... – Её голос дрогнул, но она заставила себя договорить. – Белоглазый сказал, что в лагере удобнее. Что у него там перина.

Она подняла глаза на Марка. В них больше не было страха. Была злость – холодная, тяжёлая, взрослая.

– Вы спасли мне жизнь. Не только жизнь. Понимаете?

Марк понимал. Он видел, что бывает с женщинами после такого. Видел пустые глаза, видел тех, кто переставал есть, видел тела, болтающиеся в петлях.

– Понимаю, – сказал он.

– Почему? – спросила она. – Вы охотились за ними ради награды. Могли бы просто оставить меня на дороге, добраться до города быстрее. Почему везёте меня домой?

Марк не знал ответа. Или знал, но не хотел произносить вслух.

– Потому что, – сказал он наконец, – некоторые вещи важнее золота.

Мира смотрела на него долго, словно пытаясь разглядеть что-то за неподвижным лицом и холодными глазами. Потом едва заметно кивнула.

– Спасибо, – сказала она. – За всё.

Марк поднялся.

– Светает. Нужно выдвигаться.

Подглава 2.3: Призраки Дарена

Второй день выдался ясным и морозным.

Солнце висело низко над горизонтом, заливая заснеженный лес холодным золотом. Деревья отбрасывали длинные синие тени, и снег искрился так ярко, что слепило глаза. Красиво, думал Марк, но обманчиво – именно в такие ясные дни холод пробирал до костей, выстуживал тело изнутри, убивал медленно и незаметно. Путники, обманутые солнцем, забывали об осторожности и засыпали у дороги, чтобы уже не проснуться.

Мира держалась лучше. Она по-прежнему была молчалива, но уже не смотрела сквозь мир невидящими глазами. Ела, когда предлагали, отвечала на вопросы, даже попыталась сама расседлать лошадь на привале – неумело, но с упрямой решимостью. Марк наблюдал за ней краем глаза и думал, что, может быть, эта девчонка выкарабкается. Внутри неё было что-то твёрдое, несломленное. Или появилось после того, как она увидела тело своего мучителя на снегу.

К полудню они остановились у замёрзшего ручья, чтобы дать лошадям передохнуть. Марк пробил лёд мечом, напоил животных, набрал воды во фляги. Дарен сидел на поваленном стволе, жуя полоску вяленого мяса, и смотрел на восток, туда, где за лесом и холмами лежали Мёртвые Земли.

– Ты туда смотришь каждый раз, когда мы на востоке, – сказал Марк, подсаживаясь рядом.

Дарен не ответил сразу. Прожевал мясо, сглотнул, вытер губы тыльной стороной ладони.

– Там моя деревня, – сказал он наконец. – Была.

Марк знал, что Дарен родом с восточных окраин. Знал, что его семья погибла. Но за пять лет совместных странствий друг ни разу не рассказывал подробностей, а Марк не спрашивал. У каждого свои призраки, и не всеми нужно делиться.

– Мор? – спросил он, хотя уже знал ответ.

Дарен кивнул. Его глаза, обычно тёплые и спокойные, стали холодными, далёкими.

– Мне было одиннадцать, – начал он, и голос его звучал глухо, словно доносился из-под толщи воды. – Деревня называлась Высокий Дуб. Стояла на холме у реки, двадцать три двора. Хорошее место – плодородная земля, рыба в реке, лес рядом для охоты. Мы жили небогато,

но и не голодали. Отец был кузнецом, мать пекла лучший хлеб в округе. Две сестры, младший брат.

Он замолчал, и Марк не торопил его. Мира тоже притихла, слушая.

– Мор пришёл ночью. Сначала мы думали – чума. Люди заболели, покрывались чёрными пятнами, умирали за несколько часов. Потом мёртвые стали подниматься.

Последние слова он произнёс почти шёпотом. Марк почувствовал, как холод пробежал по спине – и дело было не в морозе.

– Отец заколотил двери, велел нам прятаться в погребе. Сам взял молот и вышел. – Дарен криво усмехнулся. – Храбрый был человек. Глупый, но храбрый. Через час я услышал, как он кричит. Потом крики прекратились.

Он подобрал с земли веточку, начал машинально ломать её на мелкие кусочки.

– Мать пыталась увести нас через заднюю дверь. Не успела. Они ворвались в дом – те, кто ещё утром были нашими соседями, друзьями, родственниками. Только теперь их глаза были пустыми, а изо ртов воняло гнилью. Мать закрыла нас собой. Она кричала мне – беги, Дарен, беги...

Веточка хрустнула в его пальцах.

– Я побежал. Оставил мать, сестёр, брата и побежал. Выпрыгнул в окно, скатился с холма, бежал через лес, пока не упал без сил. Проходивший мимо наёмник нашёл меня на рассвете – грязного, окровавленного, почти безумного от ужаса. Он мог бы пройти мимо, но не прошёл. Забрал с собой, выходил, научил держать меч.

– Что стало с деревней? – тихо спросила Мира.

– Сожгли. – Дарен пожал плечами. – Когда Мор остановили, имперские солдаты прошли по заражённым землям огнём и мечом. Деревни, города, всё живое и мёртвое. Чтобы зараза не распространялась. Высокий Дуб сровняли с землёй вместе с теми, кто там ещё оставался.

Повисло молчание. Только ветер шелестел в ветвях и где-то далеко каркала ворона.

– Мне жаль, – сказала Мира. Простые слова, но искренние.

Дарен посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на благодарность.

– Это было давно, – сказал он. – Семнадцать лет. Я научился жить с этим. – Он повернулся к Марку. – Поэтому я иду за тобой, если тебе интересно. Потому что тот наёмник не прошёл мимо, когда мог. И я не прохожу мимо, когда могу помочь.

Марк молча кивнул. Теперь он понимал больше – и про Дарена, и про себя.

– Нужно двигаться, – сказал он, поднимаясь. – До Ольховки ещё полдня пути.

2.4. Ольховка

Деревню они увидели на закате.

Ольховка оказалась именно такой, какой Марк её себе представлял – два десятка дворов, разбросанных по склону пологого холма, с деревянной церквушкой на вершине и замёрзшим прудом у подножия. Дымы поднимались из труб, тёплые и уютные на фоне розовеющего неба. Залая собаки, почуяв чужаков, и в окнах ближайших изб замелькали любопытные лица.

Мира выпрямилась в седле, и впервые за три дня на её лице появилось что-то похожее на жизнь.

– Вон там, – сказала она, указывая на дом у самого пруда. – Тётя Берта живёт там. Сестра отца.

Они проехали через деревню под взглядами местных жителей. На Марка смотрели с опаской – оружие, доспех, жёсткое лицо человека, привыкшего убивать. На Дарена – с любопытством. На Миру – с узнаванием, а потом с удивлением и страхом. Три дня назад она уехала с отцом и не вернулась. Все уже решили, что она мертва.

Женщина выскочила из дома прежде, чем они успели спешиться. Невысокая, полная, с растрёпанными седеющими волосами и красным от слёз лицом. Она замерла на крыльце, глядя на Миру так, словно увидела призрака. Рот открылся, но ни звука не вышло.

– Тётя, – сказала Мира, и голос её дрогнул. – Это я.

Берта слетела с крыльца – для своего возраста она двигалась на удивление быстро – и в следующий миг Мира оказалась в её объятиях. Женщина причитала что-то неразборчивое, гладила племянницу по волосам, плакала и смеялась одновременно. Мира тоже плакала – впервые за всё время не сдерживаясь, навзрыд, уткнувшись лицом в плечо тётки.

Марк отвернулся. Чужое горе и чужая радость – не то, на что стоит глазеть.

Дарен спешил и занялся лошадьми, делая вид, что полностью поглощён этим занятием. Марк остался в седле, оглядывая деревню. Бедно, но не нищета. Дома добротные, крыши не текут, заборы целые. Видно, что люди здесь работающие, хозяйственные. Хорошее место, чтобы вырасти. Плохое – чтобы потерять отца на лесной дороге.

– Господа. – Голос Берты заставил его обернуться. Женщина стояла перед ним, по-прежнему обнимая Миру одной рукой, и смотрела снизу вверх мокрыми от слёз глазами. – Она рассказала. Про бандитов, про вас. Я... я не знаю, как благодарить.

– Не нужно благодарить, – сказал Марк ровно.

– Вы спасли её. Спасли мою девочку. – Берта всхлипнула. – Идёмте в дом. У меня есть горячая похлёбка, хлеб свежий с утра. Переночуете в тепле, отдохнёте с дороги.

Марк хотел отказаться – нужно было двигаться дальше, возвращаться в Вернхолд, забирать награду. Но Дарен уже привязывал лошадей к столбу у крыльца, и отказ прозвучал бы грубо. Кроме того, горячая еда и ночь под крышей были заманчивы после двух дней в зимнем лесу.

– Благодарю, – сказал он, спешиваясь.

Дом внутри оказался чистым и уютным. Пахло свежим хлебом и сушёными травами, развешанными под потолком. Большая печь занимала половину главной комнаты, от неё шло блаженное тепло. Марк расстегнул доспех, позволяя теплу добраться до тела, и почувствовал, как ноют мышцы – напоминание о часах в седле и ночах на мёрзлой земле.

Берта хлопотала у печи, разливая похлёбку по глиняным мискам. Мира сидела у окна, завернутая в одеяло, и смотрела на улицу. Её лицо было задумчивым, почти спокойным. Дарен пристроился у стены, привычно выбрав место, откуда просматривалась и дверь, и окно.

– Мира сказала, вы не взяли денег за её спасение, – произнесла Берта, ставя перед Марком дымящуюся миску. – И отказались от награды за бандитов.

– Награду мы заберём в Вернхолде, – уточнил Марк. – Но с вас ничего не нужно.

– И всё же. – Женщина выпрямилась, глядя на него с непонятным выражением. – Мой брат погиб, защищая дочь. Вы отомстили за него. Закончили то, что он начал. Это много значит.

Марк не знал, что на это ответить. Он не мстил за её брата – он выполнял контракт. То, что при этом удалось спасти девочку, было случайностью, удачным стечением обстоятельств. Он не герой. Просто наёмник, который оказался в нужном месте в нужное время.

Но говорить этого он не стал. Пусть думает, что хочет.

– Ешьте, – сказала Берта. – Разговоры подождут.

Похлёбка была густой и наваристой – мясо, картошка, коренья. Хлеб – мягкий, ещё тёплый. Марк ел молча, ни о чём не думая, просто позволяя телу восстанавливать силы. Завтра они уедут. Вернутся к своей жизни – контракты, дороги, кровь на снегу. Эта деревня, эта девочка, эта благодарная женщина останутся позади, растворятся в бесконечной череде мест и лиц.

Так было всегда. Так будет и впредь.

И всё-таки, когда Мира подошла к нему после ужина и тихо сказала: «Я никогда вас не забуду», – Марк почувствовал что-то странное в груди. Что-то, чему по-прежнему не мог подобрать названия.

– Живи, – сказал он ей. Это было всё, что он мог дать. – Просто живи.

Глава III. Вернхолд.

Глава 3: Вернхолд

3.1. Город на краю

Они выехали из Ольховки на рассвете.

Берта вышла проводить их, закутанная в шерстяной платок, и сунула в руки Дарену свёрток с едой на дорогу. Марк попытался отказаться – у женщины и так было немного, зима только начиналась, а племянницу теперь придётся кормить одной. Но Берта настояла с упрямством, которое, видимо, было семейной чертой. Мира стояла на крыльце и смотрела им вслед, пока деревня не скрылась за холмом. Марк не оглядывался, но спиной чувствовал её взгляд.

Обратный путь занял два дня. Снег больше не шёл, но небо оставалось тяжёлым, свинцово-серым, и холод усилился настолько, что дыхание мгновенно превращалось в пар. Лошади шли медленно, берега силы, и Марк не торопил их. Спешить было некуда. Мертвецы в Вернхолде подождут, а голова Толмера в мешке никуда не денется.

Они почти не разговаривали. Дарен, выговорившийся у ручья, снова замкнулся в привычном молчании. Марк думал о разном – о награде, которую предстояло получить, о следующем контракте, о словах, которые Мира сказала ему на прощание. «Я никогда вас не забуду». Странно, что такие простые слова могли застрять в голове, как заноза.

Вернхолд появился на третий день к полудню.

Город лежал в излучине замёрзшей реки, окружённый низкой каменной стеной. Когда-то эта стена была белой – Марк видел остатки штукатурки на некоторых участках. Теперь она посерела от времени и копоты, местами осыпалась, местами была небрежно залатана деревом и кирпичом. У ворот скучали двое стражников в потрёпанных имперских мундирах. Они едва взглянули на въезжающих всадников – очередные наёмники, ничего интересного.

Внутри город производил ещё более гнетущее впечатление.

Узкие улицы, покрытые грязным снегом, вдоль которых теснились дома – деревянные, в два-три этажа, с покосившимися ставнями и латаными крышами. Лавки торговали скудным товаром: прошлогодняя репа, мороженая рыба сомнительной свежести, грубое сукно. Людей было немного, и те, что попадались, передвигались быстро, не поднимая глаз, словно боялись привлечь к себе внимание.

Марк помнил этот город другим. Пять лет назад, когда они с Дареном впервые прошли здесь по пути на север, Вернхолд ещё напоминал торговый центр, каким был когда-то. Караваны шли к гномьим горам и обратно, таверны ломились от путешественников, на рынке можно было найти товары со всей Империи. Теперь от того города остались только воспоминания да облезлые вывески над закрытыми лавками.

– Стало хуже, – заметил Дарен, словно прочитав его мысли.

– С каждым годом.

– Говорят, гномы закрыли ещё два торговых прохода. Слишком опасно – бандиты совсем распоясались.

Марк хмыкнул. Толмер был лишь одним из многих. По всей северной границе такие же банды грабили караваны, перерезали торговые пути, душили остатки коммерции. Империя ничего не делала – солдат не хватало, денег не хватало, воли не хватало. Центр разваливался на части, а окраины предоставили сами себе.

Они проехали мимо имперской управы – двухэтажного здания с облупившейся краской и грязными окнами. У входа висел герб Аурелии – золотое солнце на синем поле. Когда-то этот герб внушал уважение, даже страх. Теперь краска потрескалась, солнце выцвело, и вместо величия символ источал лишь усталость.

– Туда? – спросил Дарен, кивнув на управу.

– Нет. Сначала таверна. Заберём награду у того, кто платит – у купеческой гильдии. Имперские крысы только палки в колёса вставляют.

Они продолжили путь к рыночной площади, петляя по узким улочкам. Марк отмечал детали: нищих стало больше, вооружённых людей тоже. Несколько раз им встречались патрули городской стражи – по трое-четверо, настороженные, с руками на рукоятках мечей. Раньше стражники расхаживали по городу вразвалочку, словно хозяева. Теперь они оглядывались по сторонам, будто сами чего-то боялись.

Что-то менялось. Марк чувствовал это – нутром, чутьём, отточенным годами жизни на краю. Что-то назревало под поверхностью, как гной под кожей.

Рыночная площадь оказалась полупустой. Несколько торговцев уныло топтались возле своих лотков, но покупателей почти не было. У колодца в центре собралась кучка людей – человек десять, не больше. Они слушали оратора – тощего мужчину в поношенном плаще, который размахивал руками и что-то выкрикивал надтреснутым голосом.

– ...сколько можно терпеть? – донеслось до Марка. – Император жирует в столице, пока мы здесь подышаем с голоду! Налоги растут, а защиты никакой! Бандиты хозяйничают на дорогах, а легионеры только и знают, что пьянствовать!

Дарен придержал коня.

– Соратники Свободы?

– Похоже на то.

Марк смотрел на оратора с холодным интересом. Ничего нового он не говорил – те же жалобы можно было услышать в любой таверне от любого подвыпившего крестьянина. Но тон был другим. Не усталое ворчание, а призыв. Не жалоба, а обвинение.

– ...Виктор Морвран знает, что нужно народу! – продолжал оратор. – Он сам был героем, сам спасал Империю, пока эти дворянские ублюдки прятались за стенами! Он понимает нашу боль! Он обещает справедливость!

Несколько человек в толпе одобрительно загудели. Стражники наблюдали издали, но не вмешивались. То ли не хватало людей разогнать сходку, то ли им было просто наплевать.

– Едем, – сказал Марк. – Это не наше дело.

Он направил коня к таверне «Три Клинка», чья вывеска виднелась на другой стороне площади. Но слова оратора продолжали звучать в голове: «Виктор Морвран знает, что нужно народу». Марк слышал это имя раньше, мельком. Бывший герой, победитель Мора, теперь – лидер какого-то движения, обещающего справедливость и перемены.

Очередной смутьян, подумал он. Империя повидала немало таких. Все они заканчивали одинаково – на плахе или в петле.

Но что-то подсказывало ему, что с этим всё будет иначе.

Подглава 3.2: Таверна «Три Клинка»

Таверна встретила их запахом жареного мяса, кислого пива и немых тел.

Марк толкнул тяжёлую дубовую дверь и шагнул внутрь, привычно окидывая взглядом помещение. Большой зал с низким потолком, почерневшим от многолетней копоти. Десяток столов, большинство пустых в этот час. Стойка у дальней стены, за которой сутился хозяин – тот самый толстяк, который неделю назад рассказал им о Толмере. Лестница на второй этаж, где располагались комнаты для постояльцев. Два выхода – главный и чёрный, через кухню. Окна маленькие, забранные мутным стеклом.

Привычка оценивать пути отхода въелась в кровь.

Дарен вошёл следом, притворив за собой дверь. Несколько посетителей подняли головы, скользнули взглядами по вооружённым чужакам и вернулись к своим кружкам. Никто не проявил особого интереса. В приграничных городах наёмники были частью пейзажа, как грязь на улицах или крысы в подвалах.

Они прошли к стойке. Хозяин – Марк так и не удосужился запомнить его имя – поднял голову от бочонка, который протирал засаленной тряпкой, и его круглое лицо вытянулось от удивления.

– Вы вернулись, – выдохнул он. – Я уж думал...

Марк молча положил на стойку мешок. Ткань промокла и воняла – голова внутри начала подгнивать, несмотря на мороз. Хозяин отшатнулся, побледнев.

– Это... это то, о чём я думаю?

– Кривой Толмер. – Марк развязал мешок и вывалил содержимое на стойку. Голова глухо стукнула о дерево, мёртвые глаза уставились в потолок. – Пятьдесят золотых за него, по десять за каждого из людей. Восемь человек. Итого сто тридцать.

Хозяин смотрел на голову так, словно она могла его укусить. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок, и Марк отстранённо подумал, что будет забавно, если толстяк плеванёт прямо на собственную стойку.

– В-восемь? – выдавил хозяин. – Только восемь?

– Ты сказал, их двенадцать. Либо ты ошибся, либо остальные были в другом месте.

– Но..., но я точно слышал...

– Мне всё равно, что ты слышал. – Марк положил ладонь на стойку, рядом с головой. – Я убил тех, кого нашёл. Плати.

Хозяин судорожно сглотнул. Его глаза метались между лицом Марка и мёртвой головой на стойке, словно он пытался решить, что из этого пугает его больше. Наконец он попятился к двери за стойкой.

– Деньги... деньги в задней комнате. Я сейчас...

Он исчез за дверью. Марк слышал, как он что-то роняет, ругается вполголоса, звенит монетами. Дарен тем временем занял место у стойки, повернувшись спиной к другу и лицом к залу. Старая привычка – прикрывать напарника во время сделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.